

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА В XVII-XIX СТОЛЕТИЯХ

© 2010 Н.А. Милёшина

Мордовский государственный педагогический институт, г. Саранск

Поступила в редакцию 13.11.2008

В статье анализируются изменения, произошедшие в патриотическом сознании высшего сословия в период правления династии Романовых. Сделаны выводы о факторах, обусловивших трансформацию названной составляющей дворянского менталитета, определены ее характерные особенности на разных этапах исторического развития России.

Ключевые слова: дворянский менталитет, монархический патриотизм, патриотическое сознание, система ценностей, патриотизм, Отечество, малая родина, император, уровень нравственности, социальная психология.

Проблемы мировоззрения высшего сословия, в том числе и его патриотические идеалы, длительное время изучались фрагментарно и непоследовательно. Одним из первых, еще в XVIII веке, систему ценностей дворянства охарактеризовал в своем знаменитом памфлете «О повреждении нравов в России» князь М. М. Щербатов. «Падение нравов» благородного сословия он объяснял тем, что в результате реформ Петра Великого оно восприняло с Запада чрезвычайно низкий уровень нравственности. Одним из главных пороков дворянства он считал отсутствие патриотических и верноподданнических идеалов: «Нест верности к государю, ибо главное стремление почти всех обмануть государя, получать от него чины и прибыточные награждения... Нест любви к отечеству, ибо почти все служат более для пользы своей, нежели для пользы отечества...». ¹ Таким образом, М. М. Щербатов заложил основы критического подхода к анализу менталитета дворянства, который широко распространился в XIX столетии.

Так, в исторических трудах о жизни и государственной деятельности императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, а также в фундаментальных исследованиях С.М. Соловьева и В.О. Ключевского² в качестве отличительных черт дворянского мировоззрения выделяются чрезмерное увлечение дворян «всем французским», оторванность от реалий российской действительности и, как следствие, отсутствие патриотического духа. А.И. Незеленов, В.И. Семёвский, Н.Ф. Дубровин, В. Гольцев единодушно оценивали дворян как людей «поразительного невежества и замечательно низкого уровня нравственности».³ Отдельные аспекты интересующей нас проблемы затронули в обобщающих трудах

по истории дворянства С.А. Корф, А.В. Романович-Славатинский, М.М. Яблочков.⁴ Нравы дворянского общества, их достоинства и недостатки, стали объектом исследования в работе Н.Д. Чечулина «Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века».⁵ Заслуга автора в том, что он впервые попытался выработать принципы объективного подхода к изучению поставленной проблемы, что позволило ему избежать однозначных оценок.

Период с 1917 г. до середины 1980-х гг. отличался «очернительским» отношением ко всему, к чему приложим эпитет «дворянский». Единственным исследованием, посвященным непосредственно интересующей нас проблеме, является опубликованная в 1981 г. диссертационная работа С.Н. Минц.⁶ Автор впервые, используя широкий спектр источников мемуарного характера, проводит системный анализ социальной психологии дворянства, в том числе и его патриотических установок. Но хронологические рамки исследования ограничены последней третью XVIII- первой третью XIX веков.

В 1990-е гг. началось целенаправленное изучение проблемы менталитета российского дворянства, которое продолжается по сей день. Так, систему ценностей высшего сословия XVII века, основываясь на повестях и сказаниях о Смутном времени, изучила Г.Ю. Семенова.⁷ Она проанализировала особенности феодального сознания дворянства, включая его отношение к Родине и монарху. Преданность благородного сословия царю, Богу и Отечеству стали предметом исследования И.Ф. Худушиной.⁸ Социальной психологии российского дворянства второй половины XVIII столетия, в том числе и его патриотическому сознанию, посвятила свою диссертацию А.В. Зарубина.⁹ Работы Т.А. Коваленко, хотя и охватывают мировоззрение высшего сословия в целом, ограничены лишь XVIII столетием.¹⁰ От-

Милёшина Наталья Александровна, доцент кафедры отечественной истории и этнологии.
E-mail: natmil@mail.ru

дельные сведения о патриотических идеалах дворянства можно обнаружить и в новейших генеалогических исследованиях С.О. Шмидта, Д.П. Шпиленко, М.Л. Шмидт и др.¹¹ Весьма информативны в этом отношении и дворянские биографические справочники.¹² Социальной психологии высшего сословия, идеологическому воздействию политики самодержавия на сознание дворянства посвящен целый ряд новейших работ Е.Н. Марасиновой. Автор достаточно подробно, привлекая широкий круг источников, преимущественно законодательство и переписку, охарактеризовала и основные мировоззренческие ценности высшего сословия – патриотизм и преданность монарху. Но в работах Е.Н. Марасиновой речь идет о мировоззрении высшей аристократии, причем только второй половины XVIII века.¹³ Кризис российского дворянства, трансформация сознания, психологии и социального поведения высшего сословия в начале XX столетия нашли отражение в работах Е.П. Бариновой.¹⁴ Автор уделяет внимание и базовой системе ценностей дворянства, формировавшейся на протяжении всей истории первого сословия.

Таким образом, анализ историографии поставленной проблемы показывает: целостного и систематизированного исследования как менталитета российского дворянства в целом, так и патриотического сознания высшего сословия пока не проводилось. Кроме того, исследователи не уделяли должного внимания особенностям мировоззрения высшего сословия на разных этапах исторического развития и факторам, предопределившим эти особенности.

В 1613 году после избрания на Земском соборе нового царя в России начинается 304-летняя эпоха правления династии Романовых. Формальное прекращение периода Смутного времени, решение вопроса о власти, постепенная концентрация всех властных полномочий в руках монарха обусловили ряд важных изменений в мировоззрении дворянства. Помимо политических на систему ценностей высшего сословия в XVII веке оказали влияние и другие факторы.

Важнейшим из них является сложная, многоступенчатая и хаотичная структура дворянства в изучаемый период. Несмотря на то, что “корни русского дворянства заходят в самую глубину нашей истории, которая если и не знала строго организованного сословия, то знала класс служилых людей, который вполне отвечал понятию о дворянстве”, в XVII веке его ещё трудно назвать единым сословием. Многие исследователи отмечают, что дворяне в это время “еще не сгруппировались в одно сословие, ... но существовали постоянно в своем чиновном раздроблении, повлекшим за собой взаимное друг от друга отчуждение, недоверчивость и совершенную раздробленность”.¹⁵ Соответственно, трудно говорить о системе ценностей, ти-

пичной для всего высшего сословия – убеждения дворянина различались в зависимости от того, к какой категории “благородных” он принадлежал, и ещё не могли быть отражением окончательно сформированных сословных идеалов.

Существенное влияние на мировоззрение дворянства оказали и особенности феодального сознания, в первую очередь типичная для него религиозность. Названная тенденция отчетливо проявляется в восприятии дворянами родной страны, в отношении к иностранцам и иностранному. Россия воспринимается высшим сословием как “страна, занимающая определенное место на Земле, граничащая с другими странами, вступающая с ними в различные отношения и как оплот благочестия среди нечестивых еретиков, страна Богом избранная и Богом хранимая”.¹⁶ При этом Россия как олицетворение православия противопоставлялась другим странам – неверным и еретическим. С таких же позиций воспринимались служилым сословием иностранцы: они еретики и безбожники, нарушающие замкнутость Российского государства. Именно в этом причина осуждения всех иностранных обычаев и тех русских людей, которые ратовали за них.

Важное значение имели и сложившиеся к XVII веку мировоззренческие стереотипы, традиционные установки высшего сословия. В частности, еще со времен Древней Руси были заложены основы тесной связи между монархом и дворянством: названное сословие и возникло с целью несения службы главе государства. Издавна в стране существовал принцип строгой иерархии; “вручения себя” царю. Именно личность государя традиционно объединяла разные слои “благородного сословия”. Свою роль сыграли и византийские политические учения, из которых в Россию пришла идея, согласно которой царь являлся единственным носителем власти, полученной от Бога, ее символом. Подданные же должны были беспрекословно подчиняться ему. В XVI столетии, в период правления Ивана Грозного, как во всём русском обществе, так и среди его высших слоёв в качестве одного из основных принципов мировоззрения утверждается непрекращаемое подчинение царю, обожествление его власти: “По отношению к своему Государю угождение и почтение удивительны. Создается впечатление, что некоторые его мнения считаются чуть ли не Божественными: они убеждают себя, что он все знает, все может, все в его власти. У них часто употребляется выражение: “Бог и Великий Государь все ведают”. Когда желают кому-либо добра, говорят так: “Да будет счастлив наш великий Государь”. Когда же при них хвалят обычаи и нравы какой-нибудь страны или показывают что-то новое, они говорят: “Великий Государь все это ведаёт и имеет гораздо больше этого”. Ради своего Царя они не отказываются ни

от какой опасности и по его приказу быстро отправляются туда, откуда, они знают, никогда уже не вернутся более. Они заявляют, что все является собственностью Государя, своим домашним имуществом и детьми они владеют по милости Великого Князя. Они настолько привязаны к Князю, что не испытывают к нему никакой неприязни и не бранят за глаза; напротив, когда представляется случай, прославляют милосердие Князя, пространно хваля его”.¹⁷

Монархический патриотизм, который современные исследователи понимают как отождествление в дворянском сознании монарха и Отечества, не только сохранил своё значение, но и стал одной из главных категорий дворянского менталитета и в XVII веке: “Они ставят своего Царя весьма высоко, упоминают его имя во время собраний с величайшим почтением. Уже с малых лет внушают они своим детям, чтобы они говорили об Его Царском Величестве, как о Боге, и почитали его столь же высоко; поэтому они часто говорят: “Про то знают Бог да Великий Князь... Подобно тому как они не придают никакого значения иностранцу сравнительно с людьми собственной своей страны, точно так же полагают они, что ни один государь в мире не может равняться с их главою своим богатством, величием, знатностью и достоинствами”.¹⁸

Преданность и верность царю постоянно подтверждались и демонстрировались. В XVII веке основным способом демонстрации своей преданности царю, а следовательно, и Отечеству, дворяне считали верную службу. Она была не просто обязанностью дворянина; служба позволяла получить поддержку и покровительство высшей власти и носила взаимовыгодный характер.

Челобитные дворян XVII века содержат немало более конкретных свидетельств пожизненной и преданной службы царю. Так, в челобитной тобольского воеводы князя И. Б. Репнина (1672 г.) сообщается: “...В том твоя великого государя воля должная наша тебе великому государю работать и до конца живота своего, как Богу. Известно тебе, великому государю, что и отцу твоему государеву... Михаилу Федоровичу всеа Руси и тебе великому государю отец мой боярин князь Борис Александрович служил многолетно и мало не до гробу своего, дому не знал, а не искал ни в ком помощи, oprичь вашей государевой милости, и за то многую принял ненависть и огласку и терпенье. И я холоп твой многие годы волочусь безответно и работаю тебе великому государю неленостно и бескорыстно, безо всяких прихотей...”.¹⁹

Пожизненная и безупречная служба дворянина государю воспринималась как долг перед Отечеством не только высшим сословием, но и самим царем. Так, Михаил Фёдорович перед смертью наказывал воспитателю своего сына и

наследника престола Алексея боярину Морозову: “Служи сыну также, как мне служил и работал – с великим усердием и радостью, оставя свой дом и пожитки и волю и покой всякий и не пожелал иметь и чад и сродников, всегдашнего пребывания токмо возжелал”.²⁰

Одним из типичных проявлений преданности царю для дворян XVII столетия выступал обычай “бить челом” в присутствии царя: “Когда Князь и епископ кончили свои речи, то военачальники и бесчисленное множество войск, наполнявших площадь, и весь народ, все в одно мгновение ока ударили челом до земли. Это была поистине самая трогательная картина благоговейного почтения Венценосцу”.²¹

Различные документы этого периода, содержащие обращение дворян к царю, имеют типичную форму: “Царю, государю и великому князю... всея Руси, холоп твой... челом бьёт”. Завершает подобные челобитные всегда одна и та же подпись: “Я, холоп твой...”.²²

Особенно ярко истинное отношение подданных к своему самодержцу проявлялось, по мнению многих современников, при его погребении: “Когда опечаленный народ увидал это похоронное шествие (погребение Алексея Михайловича), то раздалась такие ужасные, исполненные всенародной скорби вопли, что, казалось, уши раздрает какой-то пронзительный звон колоколов. Воистину мосхи оплакивали его вполне искренне и заслуженно, ибо никогда еще не было у них столь благочестивого и милостивого Государя. В этом ведь и заключается счастье добрых Государей, что им слезами и стенаниями подданных воздвигается памятник пышнее всякого надгробия”.²³

Важное место в мировоззрении дворянина занимала и традиционная надежда на “царскую милость”. Самодержец с давних времен воспринимался служилым сословием как покровитель и защитник, единственный человек, который может решить любую проблему. По традиции в XVII веке на царя нередко возлагалась последняя надежда дворянина, лишь у него искали справедливости: так, вдова М. Сиверская, обкраденная полковником К. Голоскоком (он украл у неё не только весь “вдовый капитал”, но ещё и единственную дочь), “решилась на крайнее для неё средство: ей, беспомощной вдове, не тягаться, конечно со страшным Голоскоком; но она продаст последнее, поедет в Москву, доберётся до царей Иоанна и Петра Алексеевича и у подножия престола найдёт себе защиту”.²⁴

Наряду с сохранением традиционных установок, в XVII столетии в мировоззрении дворянства появляются новые черты. События Смуты - прекращение династии, частая смена царей, появление самозванцев - определили десакрализацию облика царя. Несмотря на всеобщее обожествление царя, поклонение ему, появились и

исключения из этого правила. Так, сын боярской Яков Шульгин в день Ангела великого государя “говорил, вышед в черном платье: “Та да радость ему не в радость, кому-де радость, тот и празднуй, а него-де и на уме его нет...”²⁵ А боярина Ф. Усова царь приказал “бить кнутом нещадно” за то, что он носил “государеву грамоту за голенищем”.²⁶ В определенных случаях, дворяне позволяли себе не только суждения о недостатках и достоинствах государя, но и конкретные политические действия по отношению к “неудобному” царю. В этом отношении показателен следующий пример: Бориса Годунова, считая “похитителем престола”, высшие слои общества терпели, а Василия Шуйского “с царства свели”. Таким образом, монархический патриотизм дворянства стал заключаться не только в беспрекословной преданности царю как олицетворению всего Отечества, но и активной политической позиции высшего сословия по отношению к престолу.

В XVIII столетии монархический патриотизм окончательно утверждается в качестве одной из важнейших составляющих менталитета высшего сословия. Реформы Петра Великого, его блестящие внешнеполитические успехи, провозглашение России империей, оформление абсолютной монархии предопределили новый уровень взаимоотношений императора и дворянина. Это хорошо отразила нравоучительная литература названного периода. “Бога бойся, царя чти”, – призывала “Наука щастливым быть”.²⁷ Преклонение перед монархом достигло невиданного размаха, о былых вольностях не могло быть и речи. “Золотой век русского дворянства” Екатерины II, освобождение высшего сословия от обязательной службы и максимальное расширение его привилегий ещё более упрочили монархический патриотизм “благородных”. Дворяне стали рассматривать самодержца как гарант сохранения крепостничества и стабильности своих привилегий: “Безопасное и щастливое подданство лучше всякой страшной и возмутительной вольности”.²⁸

Обратить на себя внимание самодержца, попасть для него в милость очень много значило даже для аристократии, не говоря уже о провинциалах, которые редко могли увидеть царствующую особу. Личность императора по-прежнему объединяла вокруг себя представителей аристократии и рядового дворянства, придворной элиты и провинциальных помещиков. “Для русскаго нет ничего важнее, как благосклонный взгляд или хороший приём при дворе. Русский захворает, если его государыня взглянет на него неблагосклонно”, – не без иронии писал М.А. Вейкарт.²⁹ Личная встреча, а тем более знакомство с императором были для рядового дворянина большой честью. Так, небогатая и незнатная А.Е. Лабзина с гордостью сообщала в своих мемуа-

рах: “Один раз в Сарском Селе я гуляла с мужем, поутру, в саду и встретили императрицу... Он (Потёмкин) дал мне знать, чтоб я подошла, и она пожаловала руку. И ей было сказано, кто я. С тех пор я очень часто её видела”.³⁰ Курский помещик И.О. Острожский-Лохвицкий, которому также доводилось бывать в столице, восторженно писал: “По полудни-ж в 6 часов был в большой зале дан бал... Я тогда от царицы и великого князя и княжён стоял очень близко, где любопытствовал... слышать их разговоры”.³¹ Преданность и любовь к монарху подчеркивают и аристократы: “Когда её величество благодарили за какую-нибудь милость, то можно было и не становиться на колени, но я предпочёл сделать первое. Когда камергер меня назвал и государыня пожаловала мне руку, чтобы её поцеловать, признаюсь, что я крепко прижал её к моим губам”.³²

Преклонение дворян перед императором особенно поражало иностранцев: “По городу пронесся слух, что приехал Царь (Петр I). Бояре и главные из москвитян в огромном количестве стекаются туда, где отдыхал Царь. Велико было число поздравителей, желавших выразить своему Государю постоянную и незапятнанную верность. Они считают священным долгом пожертвовать самую жизнь по его произволу или распоряжению”.³³ Дворяне не просто преклонялись перед императором, они стремились любыми средствами продемонстрировать свою верность и преданность ему: “После одного из ложных доносов о подготовке покушения на Павла I, император собрал своё ближайшее окружение и спросил: “Неужели я имею между вами, господа, изменников?»: “Тогда мгновенно все вдруг закричали: “Нет, государь!” и бросились целовать его руки. Император сим общим порывом изъявления верности был тронут до слёз. По окончании сей сцены государь подошёл к императрице Марии Фёдоровне и с восторгом сказал ей: “Теперь я уверен, что крепко сию на престоле. Я сейчас получил новую присягу”.³⁴

Во многих источниках XVIII века подчеркивается, что царь в сознании дворянства ассоциировался со всем Отечеством, служба самодержцу была тождественна службе государству. “Всякий благородный...имеет право доискиваться места..., где бы мог он употребить дарованья свои ко славе государя и к пользе Отечества...”, – утверждалось в нравоучительной литературе. “Будь сын отечества и государю верен!” – призывал дворянина А.К. Сумароков.³⁵

Прямое обращение к царю по-прежнему рассматривалось дворянами как верный способ решить все свои проблемы. При этом провинциальные рядовые помещики, которые чаще, чем аристократия, сталкивались с нуждой, угрозой разорения и другими проблемами, были особенно склонны надеяться на “царскую милость”. Им

ничего не стоило, как, например, некому поручику, семья которого разорялась, обратиться к императору с такой просьбой:

Повели взять в Банк заёмный
Всё имение от нас
И 12 тысяч долгу
Повели отдать за нас.³⁶

В письмах и бумагах Екатерины II встречаются такие заметки: “Марья Соковнина просит денег для выкупа имения...Отставной поручик Степан Полуниин просит об определении, по недостатку пропитания”.³⁷

Несмотря на сохранение в сознании дворянства многих традиционных установок, унаследованных из XVII века, в изучаемый период в мировоззрении высшего сословия появляются и новые черты. Это во многом предопределялось теми изменениями, которые произошли в положении дворянства в его “золотой век”. Если в XVII столетии патриотизм в дворянском сознании отождествлялся с преданностью и верной службой монарху и личность последнего объединяла разные категории дворянства, то в XVIII веке отмена обязательной службы наглядно продемонстрировала разное отношение к служебному долгу в дворянской среде. Хрестоматийно известное высказывание А.Т. Болотова о “всеобщем ликовании” дворянства после опубликования Манифеста о вольности дворянству и о массовом возвращении в деревни.³⁸ Это во многом объяснялось и экономическими причинами: небольшие чины на службе не могли дать того дохода, который при разумном хозяйствовании приносило дворянину поместье в новых экономических условиях. “Продолжение моей военной службы было не что иное, как настоящее мучение... Бедным офицерским жалованьем содержать себя был не в силах”, – писал А. Пишчевич.³⁹

Но отказ дворян от службы не стал повсеместным явлением. Дворянская аристократия, как видно из эпистолярных источников, например, из писем М.И. Воронцова к И.И. Шувалову, А.Б. Куракина к брату, не одобряла добровольной отставки современников и по-прежнему считала службу своим долгом перед императором и Отечеством. Даже в мелкопоместной среде было немало дворян, которые продолжали служить. “Россия никогда не славилась богатством – у нас служили из должности, из чести, из куска хлеба, не более...” – писал Н.М. Карамзин.⁴⁰ Так, бедный воронежский дворянин М. Петров всех своих четырёх сыновей предназначил для военной службы, сказав жене: “В заплату за почёт по неоспоримой справедливости и дети наши обязаны будут народу... заплатить за своё почётное звание трудами военными, потоками крови на поле чести и, может быть, утратою кого-нибудь из них жизни: иначе же они были бы чистые тунеядцы, могущие размножить себе подобных на беспре-

кословной от совести льготе задушить своё Отечество, а не защищать”.⁴¹ И после 1762 года было много “служивых” дворян, награждаемых за “ревность и прилежание” к службе. Всю свою жизнь прослужили многие дворяне из рода Ермоловых, до 1791 года продолжал службу И.И. Григоров, пока не был отставлен “по дряхлости”.⁴² Е.Я. Березина вспоминала о своём отце, прослужившем всю жизнь: “Родитель мой... был покрыт ранами, которых получил на поле брани за веру и любезное Отечество; был беден, и всё его богатство состояло в честности души”.⁴³

Новый этап в развитии патриотического сознания дворянства связан с завершением царствования Екатерины II. Под влиянием “эпохи дворцовых переворотов”, после которой дворянство осознало зависимость судьбы монарха от поддержки “благородных”, под воздействием непопулярной “пропрусской” политики Петра III и некоторых мер Екатерины II (излишнее увлечение внешней политикой, отход от отдельных положений “Наказа”), авторитет власти монарха постепенно слабеет. К концу столетия высшее сословие перестает отождествлять понятия “монарх” и “Отечество”. Приоритетным становится достижение блага государства. В письме некоего дворянина к отцу читаем: “Прошу пожелать мне при благословении Вашем тех успехов, при которых я как-нибудь мог быть полезным моему Отечеству”.⁴⁴ В нравоучительной литературе одним из основополагающих становится тезис: “Между склонностями и добродетелями доброго гражданина, считается особливо любовь к отечеству и действия оной”.⁴⁵

Патриотические ценности дворянства ещё более укрепляются в XIX столетии. В мемуарах дворян отразились восторженные чувства к своей Родине: “Я в Малороссии! В моём отчестве! Я не могу описать то приятное чувство, которым я обладал, войдя в церковь и увидя, что я опять нахожусь с мирными моими соотечественниками...”.⁴⁶ При этом в дворянском менталитете появилась новая черта – всё большее значение стало придаваться не только любви к Отечеству в целом, но и любви к своей малой родине – городу или деревне, где вырос дворянин: “Волга и нижегородская историческая старина...заложили в душу...чувство связи с родиной, её живописными сторонами, её тихой и истовой величавостью. Это сделалось само собою, без всяких особых “развиваний”. Ни домашние, ни в гимназии учителя, ни губернёры никогда не водили нас по древним урочищам Нижнего, его церквам и башням с целью разъяснить нам, укреплять патриотическое или художественное чувство к родной стороне. Это сложилось само собою”.⁴⁷ В.Н. Каразин, сетуя в письме к М.М. Сперанскому от 18 апреля 1810 г. на свои многочисленные долги, отмечал: “Нажил я их не картами, не позорной жизнью, но неприятными в пользу края моего рождения...”.⁴⁸

Патриотизм становится не только одной из важнейших характеристик личности дворянина, но и приоритетной составляющей понятия “дворянская честь”: “Он был русский душою и истинный патриот, глубоко преданный лично государю”. О П.А. Кочубее, представителе высшего петербургского общества, один из мемуаристов вспоминал: “Он был чистокровный хохол и патриот”.⁴⁹

Ярко выраженный патриотизм как основную черту дворянского менталитета в XIX веке замечали даже иностранцы: “С англичанами разговор кончается беседой о спорте, с французом – беседой о женщине, с русским интеллигентом беседой о России”, – писал английский писатель Г. Стивен. Популярность патриотических идей в русском обществе названного периода подтверждается и малочисленностью эмигрантов: “Настоящие русские почти никогда не переселяются из России, если не считать немногих студентов и деловых людей”.⁵⁰

В сознании многих дворян преданность Отечеству не представлялась возможной без верности христианским идеалам. Так, Ф.Ф. Вигель, называвший себя “верным сыном отечества и православной церкви”, писал в 1836 г. митрополиту Серафиму: “Безопасность, целостность, благосостояние и величие России неразрывно связано с верою, более восьми веков ею исповедуемою”.⁵¹

В XIX столетии патриотические идеалы дворянства по-прежнему реализовывались в первую очередь через преданную службу Отечеству. Существует немало примеров дворянского патриотизма в Отечественной войне 1812 г., Кавказской, Крымской, русско-турецких войнах.

Многие дворяне считали своим долгом перед Родиной гражданскую службу. Так, известный барон М.А. Корф очень дорожил своей службой в императорской канцелярии и тяжело переживал свою отставку: “Бодрое настроение и усиленная деятельность продолжались до того дня, когда Модест Андреевич покинул 2-е отделение Собственной Его Величества Канцелярии. Хотя выход его был вполне почётный, но он это перенести не мог. Самолюбие его было уязвлено... Мало-помалу барон Модест Андреевич становился угрюмее, раздражённее. Чаше удалялся он за границу, и наконец под влиянием тяжёлого недуга скончался...”.⁵² Нередко дворяне жертвовали многим ради выполнения своего служебного долга. Так, калужский губернатор В.А. Арцимович, вынужденный разлучиться на длительное время с семьёй, писал жене: “Благоразумие не дозволило нам жить временно в Петербурге и оставив все удобства жизни подвергаться лишениям, недостаткам и многим неудобствам материальным, за то мы обязаны страдать душевно... Мы верили и сознавали в себе нравственную силу побороть все трудности, все тяжести, всю тоску разлуки”.⁵³

В изучаемый период четко обозначается взаимосвязь патриотического сознания дворянства и его отношения к той или иной внешнеполитической акции правительства. Так, росту дворянского патриотизма во многом способствовала опасность, которая угрожала России в 1812 году: “Между тем открывалась отечественная война, Москва уже была занята французами и чувство патриотизма господствовало между всеми”.⁵⁴ Если дворяне считали войну ненужной и не понимали её целей, ситуация могла быть прямо противоположной: “Разразилась уже Крымская война. Никакого патриотического одушевления я положительно не замечал в обществе. Получались “Северная пчела” и “Московские ведомости”; сообщались слухи; продолжали жить всё также: пили, ели, играли в карты, ездили в театр... Равнодушные к судьбам своего отчества, к тому, что делалось в Крыму, да и во время севастопольской осады, держалось и в студенчестве. Никто не шёл добровольно на войну...”.⁵⁵

Распространению патриотических идей в дворянской среде во многом способствовал личный пример императора: “Наполеон рассчитывал встретить в самой России, среди русских же, сторонников и даже пособников своему вторжению в Россию. Он надеялся, что все почему-либо недовольные русским правительством, все опальные из дворян примут сторону французов, он рассчитывал на недовольство крестьян, которых думал склонить на свою сторону обещанием освобождения. Но опасность, предстоявшая всему государству, сплотила все умы в пользу национального дела, а честное поведение Императора Александра, его твердость, великодушие и доброта приковали к нему сердца всех его подданных”.⁵⁶

Академик А.Л. Витберг вспоминал: “Я видел императора Александра в Казанском соборе, в то время, когда ещё враг подпирал грудь России, когда Москва готовилась сделаться добычею его; видел, как он являлся в народ смущенным, падшим духом, как бы стыдясь поражений своих”.⁵⁷ Император личным примером подчеркивал огромное значение патриотических ценностей не только во время внешней опасности, но и во время каждодневной деятельности на благо государства. Так, выступая на первом заседании Государственного совета, Александр I утверждал: “Любя отечество, быв постоянен в ответе перед Богом в щастии его и благоустройстве, я больше других должен буду их ощущать”.⁵⁸

В отдельных случаях, как и в екатерининскую эпоху, государь ассоциировался в сознании дворян со всем Отечеством: “Младший сын фельдмаршала князя Голицына, князь Владимир Сергеевич прежде всего был доблестным слугою отечества и престола...”.⁵⁹ Монархический патриотизм не изжил себя до конца вплоть до начала XX века. Так, во время коронации императора Николая I “ближ-

ние к нему из толпы падали на колени, целовали руки и ноги его, и вся масса народа кричала, что не выдаст его и разорвет на части всех тех, кто осмелится возстать против него”.⁶⁰ Император, увидев после выступления декабристов толпы людей, падавших перед ним на колени, сказал: “Если я видел сегодня изменников..., видел также много преданности и самоотвержения, которые останутся для меня навсегда памятными”.⁶¹

Несмотря на сохраняющееся преклонение перед императором, преданность Отечеству большинством дворян постепенно начинает ставиться выше взаимоотношений с государем. Данная тенденция особенно ярко проявилась во время подготовки и реализации крестьянской реформы 1861 г. Ради блага Родины дворянин мог даже пойти на критику правительственного курса, не боясь вызвать негативную реакцию императора. Князь Н.А. Лобанов-Ростовский, проявляющий “жажду деятельности, желание пользы России”, неоднократно критиковал некоторые направления политики самодержавия.⁶²

В целом отношение дворян к императору в XIX столетии выражала распространённая тогда формула: “Царю наперсник, но не раб”.⁶³ Царь уже не обожествляется, не ставится превыше всего, как ранее. Графиня Е.Л. Камаровская вспоминала о своём прадеде: “Когда было освящение Храма Спасителя, построенного в память нашей победы над французами, все, принимавшие участие в Отечественной кампании, были приглашены присутствовать при этом торжестве, длившемся несколько часов. Государь Александр II, лично знавший прадеда, послал к нему флигель-адъютанта с просьбой беречь свои силы и сесть. На это прадед ответил: “При земном царе я не раз садился, а при Небесном – никогда”.⁶⁴

Таким образом, на протяжении XVII-XIX веков патриотические идеалы являлись важнейшей составляющей менталитета высшего сословия. Поскольку категории “монарх” и “Отечество” длительное время ассоциировались в сознании дворянства, то его патриотические идеалы были неразрывно связаны с отношением к монарху. Соответственно, центральное место в менталитете дворянства занимал монархический патриотизм. Под влиянием различных факторов, главными из которых являются специфика каждой эпохи, дворянская политика правительств, личный авторитет монарха, целесообразность внешней политики государства, патриотическое сознание дворянства постоянно трансформировалось. В начале царствования Романовых патриотизм для дворянина означал слепое поклонение царской власти и преданную, “холопскую” службу царю. Несмотря на ограниченность феодально-религиозного сознания, в эпоху Смутного времени зарождается новое по-

нимание патриотизма как активной политической позиции по отношению к престолу. В XVIII веке понятия “император” и “Отечество” отождествляются в дворянском сознании, а служба государю ассоциируется со служением Родине. В последующем столетии высшее сословие наделяет категорию “патриотизм” более глубоким смыслом. Это и любовь к малой родине, и беспрекословное исполнение служебного долга во благо Отечества, и приоритет интересов Отчизны над взаимоотношениями с монархом.

Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по образованию, проект 3.1.2/7007.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. М., 1903. С.28.
- ² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1903; Ключевский В.О. Сочинения. М., 1959.
- ³ Незелёнов Н. Новиков, издатель журналов 1769-1815 гг. СПб., 1875; Семёвский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб., 1875; Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884; Гольцев В. Законодательство и нравы России. СПб., 1896.
- ⁴ Корф С.А. Дворянство и его сословное управление в 1762-1815 гг. СПб., 1906; Романович-Славянский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. М., 1870; Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб., 1876.
- ⁵ Чечулин Н.Д. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб., 1889.
- ⁶ Миц С.Н. Социальная психология российского дворянства последней трети XVIII–первой трети XIX веков в освещении источников мемуарного характера. Дис. ...канд. ист. наук. М., 1981. 352 с.
- ⁷ Семенова Г.Ю. Психология служилого сословия в России XVII в. по Повестям и Сказаниям о Смутном времени // Вест. Моск. ун-та. Сер. 8. Ист.1993. № 2.
- ⁸ Худушина И.Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII -первая треть XIX) М., 1995.
- ⁹ Зарубина А.В. Социальная психология российского дворянства во второй половине XVIII столетия. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.
- ¹⁰ Коваленко Т.А. Менталитет дворянской культуры XVIII века // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 108-117.
- ¹¹ Шмидт С.О. Общественное самосознание российского благородного сословия XVII- первая треть XIX века. М., 2002; Шпиленко Д.П. Материалы к родословию смоленского дворянства. М., 2006; Шмидт М.Л. Шмидты: Биогенеалогические очерки. СПб., 2008.
- ¹² Раздорский А.И. Князья, наместники и воеводы Курского края XI - XVIII вв.: Краткий биографический справочник. Курск, 2004; Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764-1795). Список по Месяцесловам / Составитель В.П. Степанов. СПб., 2003.
- ¹³ Марасинова Е.Н. Социальная психология интеллектуально-аристократических кругов российского дворянства последней трети XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки). М., 1999; Марасинова Е.Н. Власть

- и личность (Очерки русской истории XVIII века). М., 2008; *Марасинова Е.Н.* Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты российского дворянства второй половины XVIII века. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2008.
- ¹⁴ *Кабытова Е.П.* Кризис русского дворянства. Самара, 1997; *Барينو́ва Е.П.* Власть и поместное дворянство России в начале XX века. Самара, 2002; *Барино́ва Е.П.* Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет. Самара, 2006.
- ¹⁵ *Порай-Кошиц И.А.* Очерки истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII вв. СПб., 1874. С.119.
- ¹⁶ *Семенова Г.Ю.* Психология служилого сословия в России XVII в. по Повестям и Сказаниям о Смутном времени // Вест. Моск. ун-та. Сер. 8. Ист. 1993. № 2. С.22.
- ¹⁷ *Камтани Д.П.* Записки // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Ист. 1969. № 6. С.83.
- ¹⁸ Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С.355.
- ¹⁹ Бытовые черты XVII века // Русская старина. 1894. № 3. С. 226-227.
- ²⁰ *Забелин И.* Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве. Б/м, б/г. С. 9.
- ²¹ Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С.315.
- ²² Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 1. Севский стол. Л. 90.
- ²³ Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С.189.
- ²⁴ Очерки стародавнего местного быта. Воевода Волков. Полковник Голоскок // Русский архив. 1887. № 2. С.300.
- ²⁵ Бытовые черты XVII века // Русская старина. 1894. № 3. С. 226.
- ²⁶ Там же. С. 230.
- ²⁷ Наука щастливым быть. СПб., 1775. С. 191.
- ²⁸ Там же. С. 12.
- ²⁹ *Вейкарт М.А.* Из записок // Русский архив. 1886. №3. С.233.
- ³⁰ *Лабзина А.Е.* Воспоминания. СПб., 1914. С.68.
- ³¹ *Острожский-Лохвицкий И.О.* Описание жития, дел, бедствий и разных приключений, т. е. Годспорик или странствия в жизни сей // Киевская старина. 1886. № 5. С. 140.
- ³² *Камаровская Е.Л.* Воспоминания. М., 2003. С.256.
- ³³ Там же. С.282.
- ³⁴ Там же. С. 271.
- ³⁵ *Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л., 1957. С. 7.
- ³⁶ *Анненков.* Прощение в стихах на имя Екатерины II // Русская старина. 1908. №10. С.266.
- ³⁷ Письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в императорской публичной библиотеке. СПб., 1873. С. 62.
- ³⁸ *Болотов А.Т.* Жизнь Андрея Болотова, описанная самим им для своих потомков: в 4 т. СПб., 1871-1873. Т. 2. С. 564.
- ³⁹ *Пишчевич А.* Жизнь Александра Пишчевича, им самим описанная (1764-1805) // Чтения Общества истории Древней Руси. 1885. Кн. 1. С. 58.
- ⁴⁰ *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 104.
- ⁴¹ *Экштут С.* Благородное сословие России // Социум. 1995. № 1. С. 18.
- ⁴² *Ермолов А.* Род Ермоловых. М., 1913. С. 28, 34.
- ⁴³ *Березина Е.Л.* Жизнь моей матери, или Судьба providения // Исторический вестник. 1894. № 12. С. 690.
- ⁴⁴ Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1337. Оп.1. Ед.хр. 135. Л.1.
- ⁴⁵ Благоразумный гражданин или напутствие человеку, вступающему в должность общежития. СПб., 1789. С.127.
- ⁴⁶ *Галаган Г.П.* Отрывки из дневника // Киевская старина. 1898. № 10. С. 199.
- ⁴⁷ *Боборыкин П.Д.* За полвека. Воспоминания. М., 2003. С.55.
- ⁴⁸ Из письма В. Н. Каразина к М. М. Сперанскому // Русская старина. 1872. № 1. С. 71.
- ⁴⁹ Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2004. С. 181.
- ⁵⁰ Иммиграционное бюро в США. XIX в. // Русская старина. 1879. № 5. С.236.
- ⁵¹ Из письма Ф.Ф. Вигеля митрополиту Серафиму о статье Чаадаева в журнале "Телескоп" // Русская старина. 1870. № 2. С. 575.
- ⁵² Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2004. С. 85.
- ⁵³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 945. Долгоруков В. А. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 6.
- ⁵⁴ Воспоминания моей жизни. Записки почетного лейб-хирурга Д.К. Тарасова // Русская старина. 1871. №9. С.227.
- ⁵⁵ *Боборыкин П.Д.* За полвека. Воспоминания. М., 2003. С.72-73.
- ⁵⁶ Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век. М., 1914-1923. Ч.2. С.298.
- ⁵⁷ Записки академика Витберга, строителя храма Христа Спасителя в Москве // Русская старина. 1872. № 1. С.20.
- ⁵⁸ Граф М.М. Сперанский // Русская старина. 1872. № 4. С.473
- ⁵⁹ *Дроздов И.И.* Князь Владимир Сергеевич Голицын (1794-1862) // Русский архив. 1887. № 7. С.367.
- ⁶⁰ 14 декабря 1825 г. Из записок генерала-лейтенанта В.И. Фелькнера // Русская старина. 1870. № 2. С. 138.
- ⁶¹ Там же. С. 157.
- ⁶² Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2004. С. 94.
- ⁶³ Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2004. С. 74.
- ⁶⁴ Камаровская Е.Л. Воспоминания. М., 2003. С.14.

THE TRANSFORMATION OF THE PATRIOTIC MENTALITY OF THE RUSSIAN NOBILITY IN THE XVII-XIX CENTURIES

© 2010 N.A. Mileshina

Mordovian State Pedagogical Institute, Saransk

The author analyses the changes in the patriotic mentality of the upper class during the reign of the Romanov dynasty. Certain conclusions about the factors that caused this transformation were made, and peculiar features of the transformation at different stages of Russia's historical development were defined.

Key words: mentality of nobility, monarchist patriotism, patriotic feelings, values system, patriotism, Motherland, birthplace, emperor, morality level, social psychology.